

Глава 15

ОБРАЗЦОВЫЕ ВОЯКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В октябре 1919 г. наступил, по выражению В. И. Ленина, «самый критический момент социалистической революции». Победоносно наступавшим белогвардейским армиям оставалось сделать решающий рывок к Москве. Последними преградами на пути к Первопрестольной оставались Брянск, Орел и Воронеж.

Судьбу Воронежа решила «дуэль» красной и белой кавалерии. Что касается Орла и Брянска, то здесь с обеих сторон сражались элитные пехотные дивизии. 1-й армейский пехотный корпус генерала Кутепова составляли так называемые «именные» части — легендарные корниловцы, марковцы, дроздовцы, алексеевцы. Им противостояли отборные войска Уборевича — «красные латыши», «красные эстонцы», «червонные казаки»...

КУТЕПОВ

Александр Павлович Кутепов родился в 1882 г. в городе Череповце. Происходил он из рода потомственных дворян Новгородской губернии. Род этот, правда, не относился к числу богатых и знатных, отец же будущего генерала служил простым лесничим.

Юноша окончил Архангельскую классическую гимназию, после чего избрал военную службу. Не имея влия-

тельной протекции, он поступил в «обычное» юнкерское училище (в Санкт-Петербурге), по окончании которого был выпущен подпоручиком в 85-й Выборгский пехотный полк. Почти сразу же после выпуска молодому офицеру довелось поучаствовать в войне с Японией. Здесь Кутепов настолько хорошо проявил себя, что вскоре удостоился редкой чести: его перевели в звании поручика в старейший и наиболее известный полк русской армии — лейб-гвардии Преображенский (ноябрь 1907 г.).

Первую мировую войну Кутепов встретил в звании штабс-капитана. В боях он был трижды ранен, получил несколько боевых орденов, в том числе орден Св. Георгия 4-й степени. К началу 1917 г. Александр Павлович успел дослужиться до чина полковника и должности командира 2-го батальона Преображенского полка.

В бурные дни Февральской революции находившийся в Петрограде Кутепов оказался едва ли не единственным, кто действительно пытался навести порядок в «разбушевавшемся» городе. Возглавив сводный отряд из гвардейцев-«запасников» (от 500 до 1 тыс. человек), он «прошелся» по запруженным митингующими толпами Невскому и Литейному проспектам. Поначалу ему удалось навести некоторый порядок, однако к вечеру 27 февраля отряд оказался блокирован восставшими в особняке Мусина-Пушкина. В темноте «последние защитники монархии» потихоньку стали разбегаться. Оставшемуся практически без подчиненных Кутепову ничего не осталось, как последовать их примеру.

Несмотря на «явную контрреволюционность», Временное правительство назначило его командиром Преображенского полка. К тому времени процессы разложения армии зашли уже слишком далеко. 2 декабря 1917 г., не желая служить новой большевистской власти, Александр Павлович поставил последнюю трагическую точку в славной истории преображенцев, издав приказ о расформировании полка.

В самом конце 1917 г. Кутепов появляется на Дону и включается в работу по созданию будущей Доброволь-

ческой армии. Будучи командиром гарнизона Таганрога, он нанес поражение красногвардейскому отряду Сиверса, захватив в качестве трофеев орудие, броневик и 24 пулемета. Однако в тылу на Русско-Балтийском заводе рабочие подняли восстание, и город пришлось оставить.

1-й Кубанский («Ледяной») поход Кутепов закончил во главе Корниловского ударного полка. В Добровольческой армии корниловцы были примерно тем же, что и преобразенцы в армии царской, так что Александр Павлович в данном случае вновь сумел занять должность командира самой прославленной и элитной части.

2-й Кубанский поход вписал новые героические страницы в историю корниловцев. 14 июня 1918 г. войска Деникина атаковали красных на укрепленной позиции у Тихорецкой. После ожесточенного сопротивления большевики отошли на вторую линию обороны и, считая бой законченным, на некоторое время утратили бдительность. Воспользовавшись этим, Кутепов обошел их с тыла и без боя занял Тихорецкую. Сражение возобновилось и превратилось в настоящее побоище. Командовавший красными латыш Калнин с трудом спасся, его начальник штаба Зверев застрелил себя и жену. Белым достались 3 бронепоезда, 50 орудий, броневики, аэроплан, множество вагонов с оружием и боеприпасами. Всего этого с лихвой хватило для того, чтобы восполнить все материальные запросы Добровольческой армии.

Имя Кутепова приобретало все больший авторитет среди соратников по оружию. Он стал командиром бригады, а после взятия Новороссийска — черноморским военным губернатором. В мае 1919 г. Александр Павлович (уже произведенный к тому времени в генерал-майоры) возглавил 1-й Добровольческий корпус. В это соединение были сведены все «именные» полки, названные в честь умерших и погибших героев Белой гвардии — Корнилова, Алексева, Дроздовского, Маркова. Каждая из частей имела свою форму и свои традиции. У корниловцев (уже служивших под началом Кутепова) — черно-красные погоны и петлицы, белый кант на кителях, брюках и фуражках, череп вме-

сто кокарды. В бой они шли с гримасой «презрительного разочарования на лице». У дроздовцев цвета погон, петлиц, канта на униформе были малиновый с белым. Для их лиц была типична другая гримаса — иронично-презрительная. Многие в память о своем командире носили пенсне. Части алексеевцев формировались из юнкеров и студентов, а потому форма у них была бело-голубая, по цвету университетского значка. Марковцы носили черные гимнастерки, брюки и погоны с белыми кантами и просветами. И опять-таки, подражая погибшему генералу Маркову, его «подшефные» носили потрепанные шинели и шокировали публику многоэтажным матом. Именно под началом Кутепова Добровольческий корпус сначала одержал свои самые блестящие победы, а затем пережил самые тяжелые испытания.

Едва вступив в командование корпусом, Кутепов нанес удар в стык махновцев и 13-й Красной армии. Пятишестикратное превосходство противника частично компенсировалось тем, что как раз в это время между Махно и большевиками началось очередное «выяснение отношений». Развивая успех, Кутепов ввел в бой английские танки, и тогда красный фронт рухнул. После ожесточенных уличных боев добровольцы заняли Харьков. К большому удовольствию победителей, в их руки попал приказ Троцкого, из которого следовало, что 13-я армия «...находится в состоянии полного упадка. Боеспособность частей пала до последней степени. Случаи бессмысленной паники наблюдаются на каждом шагу. Шкурничество процветает...». За успешное проведение Харьковской операции Александр Павлович был произведен в генерал-лейтенанты. Теперь на очереди была Москва...

Разгромив Ударную группу Селивачева, 1-й корпус овладел Курском, Кромами, Орлом, Ливнами. Разведывательные разезды белых появились в окрестностях Тулы. Советское правительство спешно начало перебрасывать на Южный фронт отборные резервы. Командующим 14-й армией, а затем и Ударной группой стал Уборевич, в лице которого Кутепов встретил хладнокровного и решительного противника.

Красные сумели отбить Орел и Кромы, отбросив добровольцев на 40-50 км. В начале ноября Кутепов нанес контрудар и сильно потрепал Латышскую дивизию Калнина (с которым заочно познакомился еще под Тихорецкой), однако на другом участке Уборевич прорвал фронт и бросил в тыл белых дивизию «червонных казаков». В это же время под Воронежом Буденный нанес поражения соседям Кутепова — Мамонтову и Шкуро. Белое наступление на Москву провалилось, и теперь Добровольческому корпусу пришлось нести на себе всю тяжесть арьергардных боев.

Именно частям Кутепова пришлось прикрывать эвакуацию ВСЮР (вооруженных сил Юга России) из Новороссийска в Крым (март 1920 г.). Преемник Деникина, Врангель, покровительствовал Александру Павловичу и сделал его командующим одной из двух своих армий (2-й командовал генерал Абрамов). Однако судьба Белого движения к тому времени уже была решена. В ноябре войска Фрунзе прорвались на территорию Крыма. Кутепову вместе со своими подчиненными пришлось эвакуироваться в Турцию.

Десятки тысяч русских беженцев расположились на полуострове Галлиполи. Военские части еще долгое время сохраняли свою организационную структуру, причем Врангель даже произвел Кутепова в очередное звание — генерала от инфантерии. Тем не менее в конце 1921 г. по требованию союзников началось расформирование русской армии. Личный состав 1-го армейского корпуса перебросили в Болгарию. Находившееся в этой стране у власти левое правительство А. Стамболийского заявило, что прибывшие части «не являются боевыми войсками и должны разоружиться». Местная полиция совершила обыск в помещении кутеповской контрразведки и обнаружила ряд документов, содержащих секретные сведения о состоянии болгарской армии. Грянул громкий скандал, и в мае 1922 г. Александру Павловичу пришлось переехать сначала в Сербию, затем в Париж.

В сентябре 1924 г. П. Н. Врангель объявил о создании РОВС (Российского общевоинского союза), ставившего своей целью продолжение борьбы против Советской вла-

сти. Кутепов взял на себя всю контрразведывательную работу, а после смерти Врангеля возглавил эту организацию в качестве председателя (29 апреля 1928 г.).

Радикальные круги белой эмиграции выступали за начало террора против ведущих деятелей большевистского режима. Исполнителями терактов должны были стать боевики (из числа бывших офицеров), заброшенные в Россию из-за границы. Стремясь упредить подобное развитие событий, ОГПУ создало мнимо «подпольную, контрреволюционную и монархическую организацию» под названием «Трест».

Некоторое время чекистским агентам удавалось оттягивать на себя потоки денег, идущих от западных разведок, на антисоветскую деятельность. Более того, глава «Треста» Якушев сумел уговорить Кутепова отказаться от идеи террора. При этом он ссылаясь на то, что убийства большевистских деятелей вызовут ответные репрессии и рикошетом ударят по его организации.

Тем не менее в апреле 1927 г. «Трест» был разоблачен как «грандиозная чекистская провокация». Боевики Кутепова потянулись в Россию: грохнули взрывы — в Ленинграде в помещении партклуба и в Москве в здании самого ОГПУ...

После этого было принято решение о ликвидации Кутепова. 26 января 1930 г. чекисты Пузицкий, Янович и Гельфанд среди бела дня похитили Кутепова на одной из парижских улиц. Действовали они с редким нахальством: генерала затолкали в машину, затем после борьбы в несущемся на всей скорости автомобиле его усыпили платком с хлороформом и в таком виде доставили в Марсель. На борт парохода «Спартак» Кутепова не то пронесли в ящике (под видом багажа), не то провели под руки (под видом напившегося члена экипажа).

О дальнейшей судьбе Александра Павловича нельзя говорить с полной уверенностью. Согласно данным, представленным КГБ, он скончался на борту «Спартака» при подходе корабля к Новороссийску. Причиной смерти стал сердечный приступ, вероятно, спровоцированный воздействием хлороформа.

УБОРЕВИЧ

24 декабря 1896 г. в деревне Антандриюс (Ковенская губерния, Литва) в семье крестьянина Пятраса Уборявичуса родился пятый по счету ребенок. В честь святого — покровителя бедняков — глава семьи решил назвать сына Иеронимом.

Мальчик оказался на редкость способным. Он успешно закончил два класса начальной школы и затем перевелся в Двинское реальное училище. Семье все это время пришлось жить «подтянув пояс», однако Иероним вполне оправдал надежды и вышел в люди. Из Двинска юноша переехал в Петербург и поступил в Политехнический институт. Судя по всему, именно в столице будущий большевик приобщился к марксизму.

В 1915 г. студент-третьекурсник Уборевич (так звучала его фамилия в русифицированном варианте) был призван в армию и направлен в Константиновское артиллерийское училище. После шестимесячной учебы новоиспеченный поручик был назначен командиром батареи Сибирского дивизиона, сражавшегося против германских войск на Немане и Висле. В 1916 г. подразделение перебросили на Румынский фронт, где его и застала Февральская революция.

В отличие от многих своих собратьев-офицеров, Уборевич довольно быстро сориентировался в новой ситуации. На многочисленных митингах он частенько блистал весьма радикальными речами и в скором времени завоевал широкую популярность у солдатской массы. Впрочем, вряд ли Иероним Петрович руководствовался в данном случае одними лишь корыстными интересами: являясь выходцем из беднейшего крестьянства, он, вероятно, вполне искренне одобрял происходившие перемены.

Сразу же после Февральской революции и задолго до того, как большевики стали внушительной силой, Уборевич вступил в РСДРП(б). Зимой 1918 г., в критический момент, когда австро-германские войска успешно продвигались по Бессарабии и Украине, он возглавил собранный

с бору по сосенке красногвардейский полк и попытался организовать сопротивление противнику. Полк наголову разбили под Одессой, а его командир угодил в тюрьму для военнопленных. Подпилив решетку, Уборевич вырвался на волю и сумел добраться до Литвы.

Некоторое время он отлеживался в родной деревне, затем нелегально перешел линию фронта и объявился в Петрограде.

На мобилизационном пункте рассказ Уборевича о своей «одиссее», судя по всему, не вызвал особого доверия, и вместо самостоятельного командования ему предложили должность инструктора артиллерии Котласского боевого района.

На Северном фронте боевые действия сосредоточились вдоль рек и дорог, перекрытых хорошо укрепленными опорными пунктами. 6-й и 7-й Красным армиям здесь противостояли около 10 тыс. иностранных войск и около 8 тыс. белогвардейцев. Английский генерал Айронсайд предпринял попытку овладеть Котласом и через Пермь прорваться на соединение с Колчаком. Во время этих боев и начала всходить звезда Уборевича. Руководимая им батарея 120-миллиметровых орудий неоднократно топила вражеские суда и сравнивала с землей вражеские укрепления. Большое беспокойство доставляли налеты вражеской авиации, и тогда Иероним Петрович выдвинул рацпредложение: он предложил установить обычные 37-миллиметровые орудия на колеса и тем самым превратить их в зенитки. После этого налеты неприятельских самолетов практически прекратились.

Англичане хорошо знали фамилию Уборевича. В августе 1918 г. газета «Таймс» отмечала, что противостоящие интервентам силы красных значительно улучшили качество своего артиллерийского огня. «Говорят, что командующим здесь назначен Уборевич, бывший поручик царской армии. Мало найдется английских офицеров, которые будут отрицать, что он знает свое дело».

После того как на железнодорожном направлении возникла критическая ситуация, Иеронима Петровича пере-

бросили туда начальником новой 18-й дивизии. В короткое время он сумел выправить положение и даже перейти в контрнаступление. Летом 1919 г. дела на Севере складывались все более благоприятно для красных, но в этот момент способности Уборевича потребовались в другом месте...

На Южный фронт он прибыл с повышением. Вверенная ему 14-я армия прикрывала Брянское направление, соседняя, 13-я, — Орловское. Обе армии были сильно потрепаны в предыдущих боях, и теперь для их поддержки формировалась Ударная группа в составе Латышской дивизии, бригады «червонных казаков» и бригады «пластунов» Павлова. Впрочем, и эти войска поначалу не смогли остановить победоносное наступление белых. 13 октября Кутепов взял Орел и повел наступление на Тулу. В этот критический момент Ударная группа была передана в подчинение Уборевича.

Собрав все наличные силы в кулак, «командарм-14» нанес сильный удар по дроздовской дивизии, овладел Кромами и вышел в тылы Кутепова. Белым пришлось прервать свой марш на Москву и срочно развернуться на 180 градусов. Подобный маневр отнял значительное время, которое большевики использовали для того, чтобы отбить еще и Орел (20 октября). Тем не менее ситуация продолжала оставаться весьма шаткой. Корпус Кутепова напоминал льва, пытающегося напасть на стадо (Москву), но вынужденного при этом отбиваться от трех пастухов (13-й армии Геккера, 14-й армии Уборевича и подчиненной ему же Ударной группировки), тычущих в него копытами...

Участники тех событий использовали еще один образ и говорили о «слоеном пироге», образовавшемся на рубеже Орел—Кромы. Войска противников перемешались, и даже их командиры с трудом ориентировались в постоянно меняющейся обстановке. С обеих сторон в бой шли последние резервы. Ценой огромного напряжения обессиленный корпус Кутепова вновь овладел Кромами, однако начальник Латышской дивизии Калнин, собрав всех больных, перешел в контрнаступление и вернул город

обратно. Сам Уборевич в этой свистопляске с удивительной виртуозностью маневрировал частями и ухитрился ни разу не подставить их под удар неприятеля.

В конечном счете преимущество осталось за красными. Добровольческая армия решила отойти на несколько километров и перегруппировать свои силы. Однако спокойной перегруппировки не получилось. Уборевич взломал фронт между селами Чернь и Чернодье, после чего кавалерия Примакова огнем и мечом прошла по коммуникациям противника...

В начале декабря 14-я армия успешно овладела Харьковом, а еще через два месяца ее части уже входили в Одессу. Репутация Уборевича выросла настолько, что он уже считался своеобразным специалистом по кризисным ситуациям. Оперативная обстановка менялась стремительно, и теперь Иероним Петрович принял командование над 9-й (Кубанской) армией, в задачу которой входило не дать Деникину отсидеться на рубежах Дона и Маныча. Вместе с другими частями Южного фронта войска Уборевича форсировали эти водные преграды и ворвались в считающиеся контрреволюционными казачьи районы Юга России. После упорных боев его части овладели Екатеринодаром и двинулись далее — к Новороссийску. Здесь скопились остатки деникинских армий, многочисленные тыловые учреждения и толпы гражданских беженцев. Все эти массы людей переправлялись в Крым, причем прикрывали эвакуацию войска Кутепова — недавнего противника Уборевича по Орловско-Кромскому сражению. Иероним Петрович сделал все от него зависящее, чтобы превратить эвакуацию в настоящий разгром вооруженных сил Юга России, и не его вина, что добиться этого не удалось. Скорее в этом «вина» Кутепова, до последнего отстаивавшего подступы к городу. Тем не менее в Новороссийске красным остались огромные трофеи, в том числе штабные вагоны с изображенными на них портретами генералов Деникина, Улагая, Шкуро. По приказу Уборевича к этим портретам пририсовали кандалы и в таком виде состав отправили в Москву.

Следующим этапом в полководческой биографии Уборевича стала война с «панской» Польшей. Здесь он вторично принял командование 14-й армией, прикрывавшей на сей раз Одесское направление. Состав частей практически не изменился, а наличие «червонных казаков» вдохновило его на идею нового кавалерийского рейда по тылам противника. Вечером 3 июля 1920 г. стрелковая дивизия и два бронепоезда прорвали оборону 6-й польской армии, после чего по отработанной схеме в тыл неприятеля пошла конница Примакова. Через три дня Примаков телеграфировал Уборевичу: «Проскуров взят, штаб 6-й армии разгромлен, взяты пленные... большие трофеи... Враг в панике бежит на запад. Генерал Роммер стремится отвести перепутавшиеся части армии за р. Збруч».

Не только полководческое мастерство, но и какое-то везение спасало Уборевича от поражений. Так, например, ему не пришлось участвовать в «освободительном походе» на Варшаву, закончившемся неожиданным и сокрушительным поражением красных армий. К тому времени Иероним Петрович вновь сражался против русских белогвардейцев, теперь уже во главе 13-й армии. В финале Крымской операции войска Уборевича практически не участвовали, зато именно они провели начальную стадию и, овладев Мелитополем, вышли на берега Сиваша...

Наконец, под занавес триумфального для Уборевича 1920 г., ему довелось в третий и последний раз возглавить хорошо ему знакомую 14-ю армию. На сей раз Иероним Петрович нанес смертельный удар лидеру украинских националистов Симону Петлюре. Против его полупартизанских соединений красный командарм выпустил отборную и испытанную в боях конницу Котовского и Примакова, которая менее чем за две недели уничтожила созданную на Правобережной Украине «самостийную» петлюровскую республику. Небольшие отряды «черношлычников» и «черных запорожцев» укрылись на территории Польши и Румынии...

Очередная победа была омрачена для Уборевича личной драмой. 4 ноября 1920 г., родив первого ребенка,

в Брянске умерла его жена. Дочь назвали в честь матери — Надеждой, причем супруга Ленина Н. И. Крупская изъявила желание взять ее на воспитание. Однако бабушка новорожденной С. А. Дубинина, «поблагодарив за сердечную заботу», как ни трудно ей было, оставила внучку у себя.

Следующий, 1921 г., Уборевич провел, гонясь за отрядами Антонова на Тамбовщине и Булак-Балаховича в Белоруссии. Для военачальника такого калибра это было слишком мелко, и в 1922 г. он получил назначение на пост военного министра и командующего войсками Дальневосточной республики. К тому времени Приморье оставалось последним оплотом Белого движения. При помощи японцев здесь еще держались части Дитерихса и Молчанова. В качестве буфера между Советской Россией и Японией и была создана Дальневосточная республика. Блюхер (предшественник Уборевича на посту военного министра ДВР) разбил белогвардейцев под Волочаевкой, однако развитие этого успеха могло привести к конфликту со Страной восходящего солнца. Военные действия на некоторое время приостановились. Время работало на большевиков: под давлением США (опасавшихся усиления Японии на Дальнем Востоке) самураи начали эвакуировать свои войска из Приморья. Уборевич тут же перешел в наступление и после кровопролитного штурма выбил «земскую рать» воеводы Молчанова из хорошо укрепленного города Спасска. Развивая наступление, войска ДВР 25 октября 1922 г. заняли Владивосток. Именно это событие большинство историков склонны считать датой окончания Гражданской войны в России...

В последующие годы Иероним Петрович командовал Северо-Кавказским и Московским военными округами, занимал должности заместителя наркома по военным и морским делам и заместителя председателя Реввоенсовета. В 1935 г. вместе с четырьмя другими военачальниками он получил звание командарма 1 ранга (предшествовавшее званию маршала).

В 1928 г. Уборевич прошел курс германского Генерального штаба, а в 1931 г. возглавил приграничный Белорусский военный округ. Теоретические разработки германских штабистов произвели на него огромное впечатление. Иероним Петрович опубликовал несколько работ, в которых предлагал учитывать необходимость модернизации и механизации армии. Соответствующих принципов он придерживался и в своей практической деятельности, тому же учил и своих подчиненных (в том числе будущих маршалов — Жукова, Рокоссовского, Конева, Тимошенко, Малиновского, Мерецкова, Захарова, Соколовского, Баграмяна). Подобные воззрения сближали Уборевича с Тухачевским и одновременно делали его противником наркома Ворошилова. Борьба между двумя группировками завершилась победой партии Ворошилова. Благодаря стараниям НКВД Тухачевский и семеро его сторонников, в том числе Уборевич, были обвинены в организации «антисоветского военно-фашистского заговора». На суде Иерониму Петровичу припомнили его литовских родственников и учебу в Германии. По меркам тогдашней юстиции, все это неопровержимо доказывало факт работы на иностранную разведку. Обвиняемые пытались доказать свою невиновность, однако всех их топил своими показаниями бывший «червонный казак» Примаков (арестованный на год раньше других и уже основательно «обработанный» следователями).

12 июня 1937 г. по приговору суда Уборевич и другие обвиняемые были расстреляны. 31 июня 1957 г. Военная коллегия Верховного суда отменила этот приговор за отсутствием состава преступления.

Кутепов и Уборевич были образцовыми военачальниками Гражданской войны — смелыми, энергичными, способными к нетрадиционным решениям. Не случайно в наиболее решительные и драматичные моменты борьбы именно им доверялось командование на самых сложных и решающих участках фронта. Поскольку высшей ступенью для обоих стали должности коман-

дармов, мы не имеем возможности оценивать их стратегические дарования, однако оперативно-тактическое мастерство как Кутепова, так и Уборевича, отмечали все, кто имел счастье (или несчастье) столкнуться с ними на поле сражения. Судьба распорядилась так, что оба военачальника пали жертвой чекистских провокаций. Тем самым лишний раз подтвердилось известное наблюдение, согласно которому: победители на поле сражений отнюдь не всегда выигрывают битвы со спецслужбами.